

Загадка Булгакова

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРК

...так кто ж ты, наконец?
Гете. «Фауст».

ЗИМОЙ выпал случай быть в Москве. Разделавшись с дневными делами и подкрепившись у Макдональда (ну да, ну да, где ж еще), я свернул вечером с вавилонской Тверской на спокойную Бронную, с Бронной в какой-то переулок совсем тихонький (утомившаяся от столпотворения душа провинциала попросила тайм-аута), и так очутился на берегу некоего водоема, не то озера, не то пруда, припорошенного молодым снежком и окаймленного по периметру аллеями великолепных черных деревьев. Сквозь сумеречные ветки уютно зажигались огоньки старых московских домов.

На берегу, под старым вязом, ежась от вечернего морозца, грустил на каменной и стилой своей скамье заиндевелый дедушка Крылов. Выпал снег, и на холстине замерзшего озера приятно смотрелись, черное на белом, человеческие фигурки — девочка на коньках и мальчик, играющий с собачкой. На плечи бронзового старика опускались белые бабочки. Идиллия, Брейгель-младший, картинка в родном букваре... Господи, и куда ты меня привел?

— То есть как это куда? — услышал я голос свыше. — Нехорошо, брат. Неужели забыл? «Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах...».

Я взглянул окрест себя и остолбенел: в двух шагах, на деревянной лавочке аллежки, прилегающей к Малой Бронной, восседали Берлиоз с Иваном Бездомным и еще некто третий, расту не маленького и не громадного, а просто высокого, брюнет, правый глаз черный, левый зеленый, одна бровь выше другой. Неужели они! Я протер глаза, видение исчезло. На лавочке сидела пожилая интеллигентная дама с хозяйственной сумкой, из которой торчала газета «Коммерсант».

Примерещилось?
— Простите, мадам, — почтительно обратился я к интеллигентной старушке, — но, если я не ошибаюсь, здесь сидели они.

— Вы не ошибаетесь, — сказала она. — Они сидели именно здесь.

И, мило улыбнувшись, покатились по аллежке со своим «Коммерсантом».

Та-ак... Я очнулся от столбняка. Стало быть, их резиденция где-то рядом. Жаль, не спросил старушку. Эх-эх. Я с сожалением посмотрел ей вслед и, как только произнес мысленное «эх-эх», она обернулась.

— Вам прямо и направо! — крикнула она и махнула варежкой повдоль Малой Бронной. — Триста второй-бис — на Садовой десятой!

Мерси, мадам. Я благодарно кивнул интеллигентной бабушке и двинул по Малой Бронной к Большой Садовой. «302-бис». Я узнал его издали. Дебелый домина (в начале века выстроены московским табачным королем и окрашенный теперешними малярами чем-то блекло-зеленоватым) пузырился могучими балконами рубенсовских форм, и на самом мясистом из них... Нет-нет, патриаршее видение не повторилось, и на могучем балконе я не узрел Воланда. Съехал, слинял, растворился. На дверях демонского домины красовалась прозаическая вывеска мастерской «Металлоремонт», а на этажах светились окна, и за окнами, по-видимому, жили обыкновеннейшие граждане-современники.

А в былые времена в дом этот захаживал великий русский живописец Суриков, потому что тут жительствова-ли его дочь и зять, тоже художник, не великий, как тесть, но большой — Кончаловский. И Ларионов тут жил, тоже имя в искусстве не последнее. И профессор Винтер, который конструировал Днепротэкс. А где-то на верхотуре, квартирка номер 50, обитал голубоглазый молодой человек, прибывший из Киева попытать в Москве писательского счастья. Года через три он съедет отсюда, переберется в арбатскую «голубятню», а потом в полуподвальчик недалеко от Новодевичьего монастыря, но когда волею судеб ему доведется поселять в Москве Воланда с его дьявольской командой, он не найдет для них места лучше, чем дом табачного короля.

Преинтересные случались жильцы у дома сего. Не мinovать ему мемориальные мет. Одна уже есть: художник свободно распластал по стене фантастическую композицию чернотого кованого мeл-лала. Воланд со свитой,

Мастер с Маргаритой. И летящие в подзвездном пространстве кони...

А ЛЕТ ЭДАК тридцать назад, когда у нас в Киеве гастролировал ленинградский театр имени, кажется, Пушкина, я посмотрел с балкона Октябрьского дворца спектакль «Бег». Пьеса М. Булгакова. Кто такой Булгаков, я понятия не имел (в университетской программе словесности он не значился, а в театр я пошел исключительно «на Черкасова»). Да и кому из нашего послевоенного читательского поколения было ведомо тогда это имя — Булгаков?

Бродя по старокиевским ветхозаветным горам, мы с приятелем однажды взобрались на Замковую с заросшим монастырским кладбищем, она же «Киселевка», и ход туда был с излучины Андреевского узвоза. На узвозе еще стояли два или три тесовых особняка с кружевами резных крылец и оконниц, и мы любовались ими, ни малейшего внимания не обращая на стоящий чуть ниже, за излучкой узвоза, кирпичный, о двух этажах, дом № 13. Тильной стороной он упирался в гору Воздыхальницу, на коей в языческие времена было капище Перуна. Еще выше парила небесным облачком Андреевская церковь.

Эх, эх. Кто из нас мог тогда помыслить, что этот «номер 13», долго ли, скоро ли, станет местом всесветного паломничества? Да об этом, наверно, не мыслил даже сам Кончаковский, киевский инженер, уже тогда тихо и кропотливо собиравший свою «булгаковину». Уж он-то знал, что такое Булгаков. А все же, скажите, Анатолий Петрович, положе руку на сердце: было ли это в мечтах ваших — толпы экскурсантов у «триндцатого»? Доска с бронзовым ликом на стене? И что 15 числа месяца мая 1991 года, в день вековой годовщины Михаила Афанасьевича дом № 13, «дом Турбиных», станет его музеем — первым в Отечестве?

Говорю «первым», потому что чувствую, догадываюсь, уверен даже — не последним.

Эгей, читатели-почитатели-булгачане, которые помоложе и совсем-совсем молодые! Помните мое слово: долго ли, скоро ли, а найдут Москва другое пристанище для «Металлоремонта» на Б. Садовой и поселит в «треста втором-бис» дьяволу команду, «Музей мессира Воланда», астрологам и ведьмам вход со скидкой. И в старом доме, выходящем торцом на Пречистенку, восстановит Москва квартиру с некрашеными книжными стеллажами в передней, с плакатиком над столовой «Водка яд — сберкасса друг» (а на скатерти — голубые тарелки с золотыми рыбами и такие же голубые стопочки и бокалы для вина), с заваленным бумагами письменным столом в синем кабинете и развешанными по стенкам вырезками газетных пасквилей («кабинет Мастера»), и со светлой комнаткой, где, перепечатавая его рукописи, стучала на машинке «Маргарита», его королевужка, звезда, радость, счастье, жизнь («Кто скажет, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лжецу его гнусный язык!»).

И в доме-музее Константина Сергеевича Станиславского на улице Станиславского, бывшей Леонтьевской, недалеко от украинского посольства, в доме, где доживал веку гений русского театра, в его сводчатом белом подвале, где скачут сейчас выставка театральной костюмерии, появится «Максудовская экспозиция» (помните, в «Театральном романе»: Эсхил — Софокл — Шекспир — Шиллер — Максудов).

А на берег Патриаршего пруда выйдут и останутся, запечатленные (в камне? в бронзе? нет-нет, только не это) Мастер с Маргаритой, и с другого берега будет поглядывать на них со своей гранитной скамейки (вполне, полагаю, благосклонно) бронзовый дедушка русской басни.

Не верите? Напрасно. Клянусь, так и будет.

Ну, а «пальма», ясное дело, останется за Киевом. Потому — первым сына почтил. Bravo, Город! (Хотя: сегодня в «Дом Булгакова» мы с вами еще не попадаем — чего-то там не успели строители с реставраторами. Эх, город, город...)

МОСКВА была крестной матерью. Киев — колыбелью. Зеленели киевские весны, мягкими снегами стелились зимы...

«Весной зацветали белым цветом сады, одевалась в зелень Царский сад, солнце ло-

милось во все окна, зажигало в них пожары. А Днепр! А закаты! А Выдубецкий монастырь на склонах...».

«...Как многоярусные со-ты, дымился, и шумел, и жил Город. Сады стояли безмолвные и спокойные, отягченные белым, нетронутым снегом. И было садов в Городе так много, как ни в одном городе мира».

И пролилась в Городе кровь. С грешной, окровавленной земли поднялся над Днепром в черную высь полнотный крест Владимира, словно меч. «Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, но 1919 был его страшней».

Булгаков пережил тогда (с февраля 1918-го по август 19-го) в Киеве десять переворотов. Пережитое — в его первом романе. «...У входа на Цепной мост через Днепр человека в разорванном черном пальто с лицом синим и красным в потеках крови волкли по снегу два хлопца, а пан куренной бежал с ним рядом и бил его шомполом по голове».

Добил, убил человека пан куренной... «Заплатит ли кто-нибудь за кровь? Нет, никто. Просто растает снег, взойдет зеленая украинская трава, заплетет землю...».

В Киеве множество «булгаковских адресов». Семейство было большое (семеро детей) и непоседливое: жили на Ильинской, на Прозоровской, на Кудрявской (на Кудрявской — два адреса), в пер. Дионисьевском. Учился Булгаков в Киевской I гимназии (Бибиковский бульвар, теперь бульвар Шевченко), учился в университете св. Владимира (и тогда, и теперь улица Владимирская). А крестили его в церкви Воздвижения Черного Креста (Воздвиженская, 13), и там же, на Подоле, в доме напротив церкви, чуть ближе к Замковой горе, он родился.

Года три назад, когда энергичные киевские ломастера принялись валить подольские Гончары и Кожемяки, дабы започатковать некое царскоподольское сельцо, дом рождения М. А. зашатался. Помню, прибежал тогда в редакцию наш медицинский обозреватель Юра Виленский, врач, и, расстроенный, чертыхаясь (более жесткой лексикой в устах нашего интеллигентнейшего медобозревателя вообразить невозможно), положил мне на стол фотоснимок булгаковского дома. Вид у него, у дома то есть, был прискорбный. Мы дали в газету Юрин «Острый сигнал», а через пару дней я пошел на Подол посмотреть, что и как. Дом был ободран, но цел. На торце, на уровне второго этажа, громадными меловыми буквами: «Отстой Булгакова!». Позже мне рассказали: когда возле дома начали шуровать бульдозеры, какие-то пацаны окружили его и взялись за руки, «ни шагу назад». Не знаю, острый ли наш сигнал подействовал, пацанам ли в ножки поклониться, но дом устоял. Устоял, и хочется верить, что жить ему долго.

А дом на крутом киевском узвозе, «дом Турбиных», начинает новую жизнь, музейную, и хотя уже давным-давно остыла пышущая жаром изразцовая печка, все так же, как когда-то, весело и сильно, будут загораться на закатах его окна.

После поездки в Киев, оказавшейся последней, Булгаков написал другу: «Смотрел на огни на реке, вспоминал свою жизнь... Моя земля!».

ПОСЛЕДНИЕ десять лет жизни (а прожил он 49 лет) Булгакова не издавали, его пьесам перекрыли дорогу на сцену. Он был изгнан из театра, его не брали на работу не то что репортером, но даже типографским рабочим. Рептительная критика (Латунские, Дубретские, Орлинские, Литовские...) обложила со всех боков: «Распи, распи его!».

Булгаков боролся. Написал письмо «Правительству СССР» («...Прошу принять во внимание, что невозможность писать равносильна для меня погребению заживо»). Писал Сталину.

Безумство храбрых... Помните, что сказал прокуратор Пилат своему кентуриону, когда человек в стареньком разорванном хитоне, подследственный из Галилеи, назвал его, прокуратора, «добрым»: «Выведите его отсюда на минуту. Объявите ему, как надо разговаривать со мной. Но не калечить!».

Булгакова не калечили, не згнали на Соловки, не убили. Ему просто перекрыли воздух. За десять лет — ни одной напечатанной строчки.

И эти же крестные десять лет дали отечественной литературе «Мастера и Маргариту». В «последнем полете» Булгаков достиг вершины. Прочитав роман (в 56-м году), Твардовский приехал к Елене Сергеевне Булгаковой и сказал, что потрясен, узнав, наконец, масштаб Булгакова:

«Его современники не могут идти ни в какой счет с ним».

Сотворение «Мастера» — подвиг духа. Было восемь редакций романа. Уже смертельно больной, почти ослепший, Булгаков продолжал диктовать — еще страничка, еще (на вопросы о здоровье шутил: «Неважно, но ничево»). Врач, он сам себе поставил диагноз и на несколько лет вперед определил дату смерти (ошибся на два месяца). Его рукой на одной из тетрадей рукописи: «Дописать прежде, чем умереть».

Умер он весной 1940 года, 10 марта в 4 часа дня. Елена Сергеевна («Маргарита») рассказывала: «Когда он уже умер, глаза его вдруг широко открылись — и свет, свет лился из них. Он смотрел прямо и вверх перед собой — и видел, видел что-то, я уверена...».

А ПОСМЕРТНЫЕ Соловки Булгакова делились еще около четверти века. Сразу после его смерти правление Союза писателей постановило издать сборник пьес покойного — но не издали. В 1950 г. на секретариате СП слушали об издании (вернее, о переиздании давно изданного) — но постановили «воздержаться».

Пришел, однако, год 1966-й — от рождения Мастера 75-й, от смерти 26-й. И вышел в Москве синий томик «Избранного» (тираж 50 тыс. всего, а я купил книжку в лавке на Крещатике безо всяких, автора еще не распознали), и на исходе того же года в журнале «Москва» явился «Мастер», и тут уже встал я в длинную очередь библиотечную очередь, потому что автор мгновенно и ошеломляюще стал знаменит.

Но нет пророка в отечестве своем. У нас напечатали «Мастера» с купюрами. Полностью выйдет он у нас лишь в 1973-м, а тогда право первой публикации полного текста мы запродали за границе. Его купила итальянская фирма «Эйнауди», и роман моментально пошел в четырех издательствах и в четырех же (сделанных почти одновременно) переводах: Милан, Флоренция, Бари, Турин. Дальше — Соединенные Штаты (два перевода сразу), Греция (два перевода, три издания подряд), Англия, Франция, Швеция, Швейцария, Испания, Япония, Дания, Норвегия, Финляндия, Турция... Берлин, Франкфурт-на-Майне, Варшава, Будапешт, Братислава, Прага, София, Белград, Скопье, Загреб, Любляна... Мир начал читать Булгакова.

Мир читает его прозу, мир смотрит спектакли и фильмы по Булгакову, мир размышляет над Булгаковым.

Что такое его последнее магическое творение — фантастическое и реалистическое одновременно, где лирика в обнимку с сарказмом, где польна горькая и амброзия сладчайшая? Что это — роман, эпос, поэма? «Книга судеб»? «Евангелие от Булгакова»?

И кто он сам, этот феноменальный славянский художник-философ? Дон Кихот? Фауст? Антифауст? Или...

«...Кто ж ты, наконец?».

Загадки. Тайны. И, быть может, не на один век.

МАСТЕР в земной жизни не имел покоя. Не нашел его и в послежизни. Но заслужил свет. И обрел его.

Вы правы, мессир Воланд: рукописи не горят.

Вот и мы расквечались по-маленьку. Вот и в украинском издательстве Булгаков дебютировал. В 89-м. В «Дніпрі». И сразу — двухтомником. Тираж — потрясающий, цена (на то время) тоже впечатляющая (12 руб.), но если синий московский томик 66-го года я купил без проблем, то киевский двухтомник насилие достал с рук и не уверен, добуду ли третий, добавочный, том (очень уж не хочется покупать такие книги у барыги-спекулянта).

Раскачались. Вот и булгаковский фестиваль в Киеве начинается сегодня. В полдень — поминовение в Крестовоздвиженской на Подоле, в час полудни пойдем к дому на крутом Андреевском узвозе, а вечером «Мастер и Маргарита» в театре имени Франко, первый спектакль, где булгаковское слово зазвучало украинською мовою, которую любил и которой так тонко расцвечивал свою прозу русский писатель.

ЗЕЛЕНЕЕТ украинская трава, заплетает землю. И не уходят, волнуют, тревожат слова Елены Сергеевны Булгаковой о глазах уже умершего мужа. «... И свет, свет лился из них. Он смотрел прямо и вверх перед собой — и видел, видел что-то...».

Что?..

Возможно, ключ к последней тайне Мастера в последних словах его первого романа:

«...Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исцезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?».

Анатолий ПОВНИЦА.